

А.А. Тесля

Разговоры на письме: эпистолярный архив Н.А. Бердяева

Рецензия на: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы /

Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент.

А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной.

М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с. (Серия: «Мысль и слово»)

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института образования и гуманитарных наук. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56; e-mail: mestr81@gmail.com

Эссе рассматривает вышедшее в 2023 г. издание «Николай Бердяев: Эпистолярный разговор. Архивные материалы», содержащее в себе двустороннюю переписку Н.А. Бердяева и С.Л. Франка и письма к Бердяеву Н.О. Лосского и Ю.М. Панебратцева. Хронологические границы публикуемых писем соответствуют практически всему эмигрантскому периоду жизни Бердяева (1922–1948 гг.). В переписке Бердяева и Франка, составляющей основной объём книги, охватывается множество тем, начиная с судьбы русских эмигрантских философских исследовательских, образовательных и издательских институций, преимущественно в Германии и Франции, и заканчивая житейской неупорядоченной повседневностью 1920–1940-х гг. И, разумеется, большая их доля – обсуждение замыслов, процессов подготовки и публикации философских работ, истории журнала «Путь» (1925–1940 гг.). Письма Лосского (увы, ответные письма Бердяева до сих пор не обнаружены) более формальны, дистанцированы, но также отражают как многолетнее сотрудничество философов и их внимание к работам друг друга, так и восприятие интеллектуальной жизни советской России как во многом сохраняющей континуитет по отношению и к прошлому, и к связи с эмиграцией, в том числе за счёт персональной преемственности. Особенный интерес представляют письма Ю.М. Панебратцева (1900–1937 гг.), написанные в Париж из Советской России в 1930–1931 гг. и выражающие напряжённый философский поиск довольно молодого человека, пытающегося обрести в Бердяеве советчика и наставника на этом пути. Письма Панебратцева интересны и запечатлением того, как в самом начале 1930-х гг. их автор по крупицам собирает воедино направления русского идеалистического философствования конца XIX – начала XX в. одновременно с обращением к большой европейской философской традиции, сознательно стремясь избежать влияния официальной философии. В целом рассмотренное издание представляет ценный вклад в изучение не только жизни и творчества Бердяева, но и, за счёт крупной роли последнего, истории русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: журнал «Путь», интербеллум, история русской философии, немарксистская философия в СССР, русская эмиграция

Для цитирования: Тесля А.А. Разговоры на письме: эпистолярный архив Н.А. Бердяева. Рецензия на: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с. (Серия: «Мысль и слово») // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 120–125.

Издание открывается цитатой из знаменитой статьи Вильгельма Дильтея о литературных архивах, его утверждением, что письма, наряду с другими «непосредственными интимными проявлениями жизни», черновиками, набросками, есть то, «в чём дышит жизнь личности»¹.

И действительно – перед нами парадокс, ведь именно через незаконченное (наброски) или сиюминутное, реплику в разговоре, письмо, написанное бегло (а ведь письма чаще всего пишутся именно в свободное время, в момент, когда «работа дня» уже закончена) – сохраняется и передаётся то, «в чём дышит жизнь личности», а созданное специально, целенаправленно, чтобы запечатлеть своё воззрение/понимание – оказывается нуждающимся в «оживлении». Но это парадокс лишь на первый взгляд – ведь законченное произведение, которое имеет в виду Дильтей, предполагает обращённость к неопределённому кругу лиц – а зачастую ещё и несёт в себе надежду на преодоление большей или меньшей, но в любом случае значительной временной дистанции, оставаться внятным не только «здесь и сейчас», но и годы и десятки лет спустя.

Письмо же, как и набросок – за исключением тех случаев, когда письмо целенаправленно пишется «в архив» или является «публичным письмом» (и тогда по сути оказываясь тем же произведением, лишь использующим эпистолярную форму) – имеет задачу быть внятными адресату или, в случае черновика – автору. Всё остальное в этом случае – уже некий избыток, нечто, получающееся попутно, но никак не являющееся целью автора (как и настоящий дневник – нередко оказывающийся не вполне понятным и самому автору годы спустя, прочитывающему его с усилием разобраться в тогдашних чувствах и размышлениях, в отсылках, некогда совершенно внятных писавшему, но ставших глухими годы спустя, откуда и бытовавшая – и, кажется, не вполне отошедшая в прошлое, практика переписки дневника как сохранения его понятности не только для какого-то будущего читателя, но прежде всего для самого автора).

Если философский текст способен автономно преодолевать большие временные отрезки (и мы можем толковать его не только в отрыве от знания об его авторе, т.е. том знании, которое не выводимо из самого текста, включено в него, но и в самом слабом представлении о времени его создания, напротив, из него как раз адресуя вопрос о времени его создания), то «архив» – это не отдельный текст, а их коллекция, где каждый отдельный фрагмент может быть ничем не примечателен, получая значение именно как элемент совокупности (в том числе и через вопрос о причинах его сохранности или выступая как уцелевший элемент множества других, однородных). И тем самым – дать возможность более близкого, более точного в смысле распознавания авторского голоса прочтения философского текста, расслышать за ним конкретные обстоятельства, ситуацию, из которой он вырос – не сводимый к ней, преодолевающий её, но именно потому и нуждающийся и в таком

¹ Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 6.

понимании, осознании мысли не как «реакции» на обстоятельства, а (в том случае, когда мысль действительно состоялась) как усилия их понимания или понимания сквозь них.

И если говорить об истории русской мысли – то потребность в понимании, осмыслении творческого наследия Бердяева, круга его интеллектуальных жизненных связей совершенно очевидна, уже в силу одного масштаба, разносторонности и долговременности его влияния. Собственно, в изданном «Эпистолярном разговоре» самого Бердяева – не очень много, лишь 33 письма, по преимуществу коротких, адресованных С.Л. Франку и его жене, да и эти письма в основном – короткие записки, беглые деловые сообщения. Но Бердяев присутствует как адресат – тем самым звуча и отголосками, высвечиваясь как образ в обращённых к нему посланиях. Книга представляет собой три очень сильно отличающихся друг от друга эпистолярных комплекса. Основная её часть – переписка Бердяева с Франком (78 писем), а затем следует публикация писем к Бердяеву Н.О. Лосского (20 писем и 1 письмо Лосского свояченице Бердяева, Евгении Юдифовне Рапп, с откликом на кончину философа) и девять писем к Бердяеву Юрия Михайловича Панебратцева.

Пожалуй, именно последние представляют особенный интерес – ведь если письма Франка и Лосского, весьма любопытные сами по себе, не дают ничего принципиально нового для реконструкции биографии или духовного образа их или их корреспондента, то письма Панебратцева – открытие практически неизвестного сюжета, истории русского интеллектуала в советской России, в 1930–1931 гг. вступающего в диалог с Бердяевым, повествующего о своих исканиях, философском движении в контексте, прямо враждебном его устремлениям. Он старательно, по крупицам, пытается собрать, осмыслить тексты, важные ему в религиозно-философском размышлении.

Первое письмо его Бердяев опубликует в «Пути» (№ 22 от июня 1930 г.), разумеется, сняв имя автора – но в архиве Бердяева сохранятся ещё восемь писем, за ближайшие полтора года (последнее помечено 28 августа 1931 г.)². Он ищет свой путь, споря с близкой, осязаемой ещё почти прямым касанием предреволюционной мыслью – и пытается по крупицам собрать понимание происходящего в современной мысли, признаваясь во втором, очень объёмном, письме Бердяеву, от 14 апреля 1930 г., хлынувшем в ответ на уже неожиданный ответ из Парижа:

Я бы очень хотел переписываться с Вами. Интересует меня буквально всё: и современные религиозные искания, и церковная жизнь Запада, и искусство (особенно поэзия и музыка), и наука, и философские течения и социальные движения, и быт, и природа, и современный Восток, особенно Индия и Ганди, и Китай, и возможности «панмонголизма», и социализм, – и жизнь русских, их настроения и взгляды. Ведь я могу только урывками следить за духовной жизнью Запада (вообще за границей) по нашим газетам и журналам, иногда по отдельным издаваемым книгам... Но духовная атмосфера Запада для меня очень неясна³.

В том же втором письме Бердяеву (не считая короткой записки) – первом, которое пишется уже в ответ, а не в мечте о возможном отклике, Панебратцев рассказывает: «Моя мечта – учиться там, где преподают авторы “Души человека” и “Основ интуитивизма” – неосуществима. А я слышал, что там есть возможность свободно думать и верить?»⁴.

² См. помимо вступительной статьи к публикации писем (с. 202–205) также: *Леонтьев Я.В.* Корреспондент Н.А. Бердяева Ю.М. Панебратцев в поисках мировоззрения (ранний период биографии) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 1. С. 23–29.

³ Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы... С. 216–217.

⁴ Там же. С. 216.

И всё возвращается раз за разом к соотношению веры и разума, замечая: «Относительно моего рационализма и стремления искать разумных оснований для всех вещей мне уже многие говорили. Но, очевидно, с этим я бессилён справиться. Знание я ставлю выше веры» (письмо от 6.VII.1930)⁵, чтобы в письме от 13.III.1931 размышлять:

“Sprung” Гегеля не есть «прыжок» о. Флоренского. Путь Флоренского таков: разум бессилён познать истину, у него нет даже достоверного начала, ему не с чего начать, отсюда – безграничный скептицизм, выход из которого в отказе от разума и «прыжке», риске веры, заявляющей догматически: «верую в триединство», «верую, потому что не понимаю». Путь Гегеля – вера в разум, даже не вера, а самосознание разума: отрешаясь от обыденного здравого смысла, от рассудка, мысль сосредотачивается на самой себе и с очевидностью видит, что она есть, что она есть всё и что она есть жизнь. Мысль открывается себе самой – эта интуиция непосредственна, так как мысль едина и одновременно она опосредована, так как мысль мыслит себя. В мысли субъект и объект едины, двуедины.

Правда, для меня неразрешён вопрос: можно ли из диалектики вывести всё сущее, т.е. есть ли мысль – всё?⁶

Это сочетание напряжённого разнообразного чтения и размышления – и наивных вопросов далёкому собеседнику: «...раз для Гегеля область чистой мысли предметом умственного созерцания, – то для понимания Гегеля необходимо самому обладать способностью такого созерцания: тогда должно стать очевидным и диалектическое развитие понятия. Но каким путем приобрести интуицию, аналогичную гегелевской, где найти ключ к его системе? Посоветуйте мне» (письмо от 8.V.1931)⁷. А посреди описаний своих поисков и размышлений, как раз оглядываясь на наследие отцов, отзывается – думается, в том числе и пытаюсь сжиться, как-то осмыслить и оправдать для себя всё происходящее: «И, несмотря на все мучения и горе, я благословляю нашу революцию как подлинную освободительницу от косного быта, от плоского рационализма, от розовых утопий, от обыденщины, от уверенности в прочности этого мира, от самодовольного доктринёрства» (письмо от 25.VIII.1930)⁸.

Если письма Панебратцева Бердяеву – это разговор непосредственно знакомых друг другу людей, попытка узнать друг друга через письмо, то разговоры на бумаге с Франком и Лосским⁹ опираются на многолетнее личное знакомство, надстраиваются над ним. И прежде всего из этих писем видно большое значение Бердяева в истории первой русской эмиграции как редактора – издательства И.М.К.А. и издаваемого им журнала «Путь». Множество вопросов к Бердяеву обоих эмигрантских корреспондентов связано прежде всего именно с издательскими делами – не только возможностью (очень скудной в эмиграции) публично выразить и зафиксировать свои идеи, но и небольшим, но нередко, особенно для Франка, настоятельно необходимым материальным обеспечением. Напомним, что ведь «Путь» оказался по существу единственным эмигрантским философским изданием – все прочие возможности означали ещё и необходимость примеряться к аудитории, для которой философский язык являлся непривычным (а следовательно, не только утрачивать точность высказывания, но ещё и лишаться возможности затрагивать

⁵ Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы... С. 219.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Там же. С. 234.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Любопытно, что в цитированном выше фрагменте Панебратцев мечтал и признавал неосуществимость своей мечты учиться там, где преподают Франк и Лосский, называя их по именам их больших работ (соответственно «Душа человека» и «Основы [правильно: “Обоснование”] инутивизма».

массу тем – там, где сам подступ требовал бы массы предварительных объяснений для «внешнего» читателя, невозможных уже по одной ограниченности объема). Однако здесь же сразу же необходимо отметить, что отношения помощи и зависимости носили отнюдь не односторонний характер – взаимовыручка, стремление воспользоваться каждой возможностью помочь другому, при понимании постоянно меняющихся условий, то, что и позволило им не просто выжить, но и творчески продолжать существовать в эмиграции. Так, в 1928 г. Франк оказывается занят подготовкой немецкоязычной антологии по истории русской мысли – и, стремясь обеспечить для неё статью Бердяева, старательно оговаривает условия, которые позволят тому получить за неё максимально возможный гонорар (см.: 89 и сл. – и аналогичные переговоры в 1926 г., см.: 62 и сл., 69 и сл.).

О степени фактической нужды много говорит письмо Франка Бердяеву от 30.X.1928, где он замечает ближе к концу:

Кстати, уже ещё одна просьба: если какая-нибудь Ваша статья или книга будет переводиться на немецкий язык, то имейте в виду, что я по совести могу себя признать хорошим, я готов сказать, безупречным переводчиком на немецкий язык. По крайней мере, мои статьи я пишу по-немецки без чьей-либо редакции или проверки, и слышу всегда похвалы своему немецкому языку. Я охотно взялся бы, за отсутствием другой, более живой работы, переводить Ваши работы¹⁰.

И то, что остаётся ещё вспомнить – что все эти письма, в которых так много тяжелых или просто смутных обстоятельств неустроенной жизни, это одновременно письма тех лет, когда их авторы создают свои самые завершённые, зрелые работы. Ведь для всех троих эмиграция окажется временем мощного нового развития – начиная с больших теоретических трудов Бердяева, где рубежной явится двухтомная «Философия свободного духа» (1927–1928), «Непостижимого» Франка (1939) и «Условий абсолютного добра» Лосского (1949) и целый ряд которых будет дожидаться своего опубликования уже многие десятилетия спустя после смерти их авторов.

Список литературы

Леонтьев Я.В. Корреспондент Н.А. Бердяева Ю.М. Панебратцев в поисках мировоззрения (ранний период биографии) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 1. С. 23–39.

Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с.

¹⁰ Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы... С. 94–95.

Written Conversations: N.A. Berdyayev's Epistolary Archive

A Review on: Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials.

Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries

by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina.

Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p.

Andrey A. Teslya – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow, scientific director of Research Center for Russian Thought Institute for Humanities. Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksander Nevskii Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: mestru81@gmail.com

The essay examines the book published in 2023 “*Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials*”, containing bilateral correspondence between N.A. Berdyayev and S.L. Frank, as well as letters to Berdyayev from N.O. Lossky and Yu.M. Panebrattsev. This book covers the chronological period from 1922 to 1948, during which Berdyayev was living in exile. The main focus of the book is the correspondence between Berdyayev and Frank, which covers a wide range of topics, including the fate of Russian philosophical research abroad, educational and publishing institutions in Germany and France, as well as the daily challenges faced by Berdyayev during the 1920s and 1940s. A significant portion of the correspondence also discusses the ideas behind Berdyayev's philosophical works, the process of preparing and publishing them, and the history of “Way” journal (1925–1940). Lossky's letters (unfortunately, Berdyayev's reply letters have not yet been found) are more formal and distant, but they also reflect the long-term collaboration between the philosophers, their attention to each other's work, and their perception of the intellectual life in Soviet Russia as continuing in many ways, both in relation to the past and in connection with emigration. Of particular interest are the letters written by Yu.M. Panebrattsev (1900–1937) from Soviet Russia to Paris between 1930 and 1931, expressing the intense philosophical quest of a relatively young man seeking advice and guidance from Berdyayev. Panebrattsev's letters provide an interesting insight into how, at the very beginning of the 1930s, he synthesized the trends of Russian idealistic philosophy from the late 19th and early 20th centuries, while also appealing to the great philosophical traditions of Europe, consciously avoiding the influence of official philosophy. The reviewed publication makes a valuable contribution not only to the study of Berdyayev's life and works, but also to the history of the Russian emigration of the first wave.

Keywords: “The Way” magazine, interbellum, History of Russian philosophy, non-Marxist philosophy in the USSR, Russian emigration

For citation: Teslya, A.A. Razgovory na pis'me. Epistolyarnyy arkhiv Nikolaya Berdyayeva. [Written Conversations. N.A. Berdyayev's Epistolary Archive. A Review on: Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials. Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 120–125. (In Russian)

References

Leont'ev, Ya.V. Korrespondent N.A. Berdyayeva Yu.M. Panebrattsev v poiskakh mirovozzreniya (ranni period) [The Correspondent of N.A. Berdyayev Yu. M. Panebrattsev in Search of Worldview (Early Period of Biography)], *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*. 2022, No. 1, pp. 23–39. (In Russian)

Nikolai Berdyayev: epistolyarnyy razgovor. Arkhivnye materialy [Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials]. Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p. (In Russian)